

УДК 94(57):72

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШЕЙБАНИ-ХАНА И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В САМАРКАНДЕ В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

А.М. Маликов¹, К.У. Торланбаева²

*¹ Университет Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика
azimtal2018@gmail.com*

*² Независимый исследователь
Алматы, Республика Казахстан
torlanbayeva@mail.ru*

Цель исследования: проанализировать культурную идентичность и политику Шейбани-хана по благоустройству Самарканда и выявить истоки культурных традиций в архитектурном строительстве в Самарканде в начале XVI века.

Материалы исследования: использованы сочинения среднеазиатских, персидских, тюркских авторов XVI в.: Мухаммад Салиха, Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани, Шейбани-хана, Хафиз Таныша Бухари, архивные материалы Л.Маньковской, М.Массона из Центрального Государственного архива Республики Узбекистан. Также подробно анализируются публикации российских, советских, пост-советских и зарубежных специалистов по истории Шейбани-хана – В.Бартольда, А.Семенова, Р.Мукминовой, Г.Пугаченковой, Б.Ахмедова, А.Акрамова, Р.Джалиловой, А.Бодроглигетти, М.Сабтельни, Р.Макчесни, Я.Карасоя, Т.Султанова, Д.ДиУиса, Ф.Шварца, К.Байпакова, Е.Смагулова, Б.Бабаджанова, А.Муминова, Б.Норика, С.Адджигали и др.

Результаты и научная новизна: Шейбани-хан, обладая определенными знаниями в области исламского богословия, права, тюркской и персидской поэзии, продолжал культурные традиции присырдарьинских районов Улуса Джучи и Хорезма, которые он адаптировал к условиям тимуридского общества Мавераннахра. В отличие от представителей династии Тимуридов он демонстративно занимался богословскими вопросами и поддерживал значение тюркского языка как средства пропаганды своей власти в Мавераннахре и Хорасане.

В мемориальном строительстве в Самарканде Шейбани-хан основал суфу – семейный некрополь отличавшийся простотой от роскошных мавзолеев Тимуридов. Он сочетал в себе определенные традиции мемориальной архитектуры Дешт-и Кыпчака и погребальных сооружений – дахм высшего духовенства Бухары и Самарканда. Сооружение медресе Шейбани-хана в историческом центре Самарканда недалеко от медресе, основанного представительницей чингизидской династии и старшей женой Тимура – Сарай-мульк ханым имело не только символическое значение, но и служило юридическим, богословским центром его государства. В источниках нет сведений о благоустройстве Шейбани-ханом крупнейших исламских святынь Самарканда. Вместе с тем Шейбани-хан продолжил тимуридские традиции строительства садово-парковых комплексов в Самарканде и возводил гражданские сооружения в виде моста-вододелителя.

Ключевые слова: Золотая Орда, Шибаниды, Центральная Азия, Дешт-и Кыпчак, Самарканд, дискурсы, легитимация, мемориальная архитектура

Для цитирования: Маликов А.М., Торланбаева К.У. Некоторые особенности культурной идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413

Благодарности: Исследование по теме статьи было осуществлено благодаря гранту European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791.

SOME FEATURES OF THE CULTURAL IDENTITY OF SHAYBANI KHAN AND THE MONUMENTAL CONSTRUCTION IN SAMARKAND AT THE BEGINNING OF THE SIXTEENTH CENTURY

A.M. Malikov¹, K.U. Torlanbayeva²

¹ *Palacký University
Olomouc, Czech Republic
azimmel2018@gmail.com*

² *Independent researcher
Almaty, Republic of Kazakhstan
torlanbayeva@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* to analyze the cultural identity of Shaybani Khan and his policy of reconstructing Samarkand and to identify the origins of cultural traditions in architectural construction in Samarkand at the beginning of the 16th century.

Research materials: The sources mainly used in this study are historical works of Central Asian, Persian and Turkic authors of the sixteenth century: Muhammad Salikh, Fadhlallah ibn Ruzbikhan Isfahani, Shaybani Khan, Hafiz Tanysh Bukhari, and archive materials of L. Mankovskaya and M. Masson from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. The publications of Russian, Soviet and post-Soviet specialists on the history of the Central Asia – V. Bartold, A. Semenov, R. Mukminova, B. Akhmedov, R. Djalilova, A. Bodrogligeti, R. McChesney, Y. Karasoy, M. Subtelny, T. Sultanov, K. Baypakov, E. Smagulov, D. DeWeese, F. Schwartz, B. Babajanov, A. Muminov, B. Norik and others are also analyzed in detail.

Results and scientific novelty: Shaybani Khan, who possessed certain knowledge in the field of Islamic theology, law, Turkic, and Persian poetry, continued the cultural traditions of the Syrdarya regions of Ulus Juchi and Khorezm, which he adapted to the conditions of the Timurid society of Maverannakhr. Unlike the representatives of the Timurid dynasty, he was defiantly dealing with theological issues and supported the importance of the Turkic language as a means of propagating his power in Maverannakhr and Khorasan.

In the memorial constructions in Samarkand, Shaybani Khan founded the Sufa, a family necropolis distinguished by its simplicity in comparison with the luxurious mausoleum of the Timurids. He combined certain traditions of the memorial architecture of Dashti Kipchak and funerary structures – dahmas of the higher clergy of Bukhara and Samarkand. The construction of the Shaybani Khan Madrasah in the historical center of Samarkand near the madrasah founded by a representative of the Chingisid dynasty and Timur's eldest wife, Sarai-mulk Khanum, was not only symbolic in its importance, but also served as the legal and theological center of his state. There is no information in the sources about Shaybani Khan's reconstruction of the largest Islamic shrines of Samarkand. At the same time,

Shaybani Khan continued the Timurid traditions of building garden and park complexes in Samarkand and erected civilian structures in the form of a water bridge.

Keywords: Golden Horde, Shibanids, Central Asia, Dasht-i Kipchak, Samarkand, discourses, legitimation, memorial architecture

For citation: Malikov A.M., Torlanbayeva K.U. Some Features of the Cultural Identity of Shaybani Khan and the Monumental Construction in Samarkand at the Beginning of the Sixteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413 (In Russian)

Acknowledgements: The research on the topic of the article was carried out thanks to the grant of the European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791.

Изучение архитектурной среды столичных городов и их благоустройства важно для понимания истории идеологии и традиций населения, политических элит и государства. Интересно, как власть и идентичность передаются через монументальные здания, различные архитектурные комплексы. Построение материального пространства в городах напрямую связано с процессом придания значения определенным символам [60, с. 287–288]. В создании символических мест значительную роль играли религиозный и политические факторы. По мнению Марии Сабтельни, мотивы архитектурного патронажа были разными, одним из которых была политическая легитимация [62, с. 494–495]. В этом процессе вызывает интерес роль личности патрона, его идей, ценностей эпохи в осуществлении строительства зданий [52, с. 53].

Самарканд один из крупных средневековых культурных центров мусульманского мира за свою долгую историю испытал различные трансформации городской структуры и архитектуры. Одним из малоизученных периодов истории Самарканда является эпоха династии Шибанидов (Абу-л-Хайридов). Шибаниды – выходцы из Золотой Орды внесли свой вклад в благоустройство Самарканда. Шейбани-хан (1451–1510) был потомком Шибана, пятого сына старшего сына Чингиз-хана Джучи¹.

В 1501 г. Шейбани-хан захватил Самарканд и сделал его своей столицей. Для понимания городского планирования в Самарканде в эпоху Шейбани-хана надо учитывать ряд факторов: каким культурным традициям следовал Шейбани-хан и его окружение при строительстве монументальных зданий, какова была роль тимуридского наследия и чем проявились инновации? При строительстве новых архитектурных комплексов важным фактором выступает выбор места их строительства. В нашем исследовании уделено внимание роли политического фактора, легитимации власти новой династии в формировании новых комплексов городской архитектуры в столичном Самарканде. Также

¹ Существуют разночтения авторов по вопросу о наименовании правящей династии, первым правителем которой в Мавераннахре был Мухаммад Шейбани-хан. Потомки Шейбани-хана практически не правили в Мавераннахре, а правители как верховные, так и удельные были представлены потомками других сыновей Абу-л-Хайр-хана (1430–1468). Поэтому исследователи используют названия Шибаниды для потомков Шибана или Абу-л-Хайриды для потомков Шибанида Абу-л-Хайр-хана [39, с. 141]. Также применяется термин Абу-л-Хайриды / Шибаниды [59, р. 277]. Современные исследователи чаще используют термин Шибаниды [39], который будет использован в настоящей статье.

интересны дискурсы самого Шейбани-хана и его окружения по отношению к исламу и мемориальному и культовому строительству в Самарканде.

Для изучения истории Самарканда эпохи Шейбани-хана необходимы междисциплинарные исследования, в которых большое значение имеют археологические исследования в сочетании с источниковедческими и эпиграфическими исследованиями. В предыдущих исследованиях, о которых речь пойдет ниже, преобладали подходы исторические, археологические и искусствоведческие. Мы расширили подход в изучении градостроительства Самарканда через привлечение материалов по легитимации Шейбани-хана, наследия Тимуридов и культуры Улуса Джучи. В роли заказчика выступал не только сам Шейбани-хан, но и члены его семьи, представители власти и духовенства.

Самарканд традиционно почитался как священный город, город исламских святых. Шибанидский историк Хафиз Таныш Бухари, подчеркивал, что «Самарканд был величайшим городом Мавераннахра...был столицей Караханидских правителей... Самарканд является местом государей мира и улемов ислама» [13, с. 230–231]. Те или иные аспекты истории благоустройства Самарканда в эпоху Шейбани-хана нашли отражение в сочинениях Мухаммад Салиха, Фазлаллах ибн Рузбихана Исфакхани, стихах Шейбани-хана, труде анонимного автора «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», а также вакфном документе невестки Шейбани-хана Мехр Султан ханым.

Сочинение персидского историка, близкого ко двору Шейбани-хана, Фазлаллах ибн Рузбихана Исфакхани (1457–1521) «Михман-наме-йи Бухара» («Записки бухарского гостя») дает представление об эпохе Шейбани-хана и содержит интересные сведения о религиозных взглядах и деятельности Шейбани-хана в Самарканде [20].

Важным источником по идеологии и имеющим в определенной степени автобиографический характер является сборник стихов Шейбани-хана, который содержит сведения о его восприятии Самарканда. Шейбани-ханом были созданы трактат по фикху под названием «Рисале-и ма'ариф» и произведение под названием «Бахр ал-худа». Диван стихов Шейбани-хана был опубликован Якупом Карасоем [53]. «Бахр ал-худа» анализировался А.Бодроглигети [45] и был опубликован [50], однако некоторые исследователи сомневались в авторстве Шейбани-хана [43, с.74].

Историк тимуридской и шибанидской эпохи Мухаммад Салих (1455–1535) был автором поэмы «Шейбани-наме», посвященной истории Шейбани-хана [38]. В сочинении «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (Избранные истории – книга побед) [40] содержатся ценные сведения об идеологии, проповедуемой Шейбани-ханом, и отражает исламскую идентичность и религиозные дискурсы по процессу исламизации Чингизидов. По мнению Девина ДиУиса, религиозный аспект сочинения не получил должного признания в историографии советского периода из-за ограничений советской идеологии [48, с. 90–91].

Р.Мукминова опубликовала вакфный документ медресе Шейбани-хана в Самарканде, где она проанализировала существующие данные по основанию медресе и погребального сооружения Шибанидов [25]. Но за пределами ее исследования остались ряд вопросов, таких как легитимация Шейбани-хана, религиозный фактор в их государстве и золотоордынское наследие. Отдель-

ные сведения о благоустроительной деятельности Шейбани-хана и его окружения содержится в городских историях Самарканда [33].

Изучение проблем истории правления Шейбани-хана в Мавераннахре отличаются друг от друга тем, как исследователи концептуализировали культуру Шейбани-хана и его окружения. Можно выделить несколько подходов.

Первый – начало ему положил венгерский востоковед А. Вамбери (1832–1913), который отмечал, что Шейбани сам был столь же цивилизованным и образованным, как многие Тимуриды [66, р. 272]. По мнению В.Бартольда (1869–1930), “при узбеках историческая литература по качеству и количеству стояла выше чем раньше, производилась переводная литература на тюркском языке” [9, с.269]. А. Семенов считал, что “Шейбани-хан был человеком местной высокой культуры, в целях собственной популярности и сближения с духовенством проявлявший интерес к науке, просвещению и искусству” [35, с. 80]. Обширные исследования Девина ДиУиса по исламизации Золотой Орды, роли суфийских лидеров, их сочинений помогли значительно дополнить предыдущие представления о роли ислама в Дешт-и Кипчаке [47; 48]. А. Бодроглигети на основе сочинений Шейбани-хана проанализировал его взгляды на ислам, общество, суфизм и роль тюркского языка в государстве Шибанидов [46; 47]. Исследователи отмечали высокий культурный уровень Шибанидов и их поощрение представителей литературы и зодчества [32, с. 322; 25; 57; 21, с. 67]. История Шибанидов привлекла внимание турецких исследователей, которые изучали сочинения Шейбани-хана [50; 53].

Второй подход заключается в том, что Шейбани-хан рассматривался как кочевой завоеватель, отрицательно влиявший на жизнь оседлого населения [15, с. 290]. Негативные подходы к оценке культурного наследия Золотой Орды нашли отражение в трудах некоторых советских и зарубежных ученых. Отдельные историки достаточно однобоко характеризовали эпоху Шибанидов. А.М. Акрамов делал упор на отрицательный аспект военно-политических последствий походов Шейбани-хана [3, с. 8–10]. Подобная интерпретация нашла своих последователей среди некоторых современных исследователей.

Согласно третьему подходу, Шейбани-хан заимствовал высокую культуру Тимуридов или способствовал синтезу оседлой и кочевой культур [63; 51, с. 146]. В этом ключе ценный вклад в изучение мемориальной культуры первых Шибанидов в Самарканде внесли специалисты по эпиграфике Б. Бабджанов и А. Муминов [11]. Отдельными аспектами истории шибанидского Самарканда занимались Л. Маньковская, Г. Пугаченкова, Л. Ремпель. М.Е. Массон занимался изучением исторической топографии Самарканда в эпоху средневековья, но, к сожалению, его материалы, касающиеся Самарканда эпохи Шейбани-хана, остались неопубликованными. Фундаментальные работы Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля [32], анализирующие развитие архитектуры города, позволяют проследить происходившие изменения, но в их публикациях они показаны в отрыве от религиозного фактора и политической платформы правителей. В двухтомной истории Самарканда приводятся сведения о строительстве медресе Шейбани-хана, но нет данных о религиозной политике Шейбани-хана, его творчестве, культурном окружении [1, с. 295–296]. Интересные неопубликованные сведения о памятниках Самарканда эпохи Шибанидов содержатся в личном фонде Л. Маньковской в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан. Культурная, литера-

турная среда Самарканда эпохи Шибанидов нашли отражение в публикациях Б.В. Норика [28]. Тем не менее спустя 60 лет после публикации А.Семенова Девин ДиУис вынужден был признать, что культурный патронаж в эпоху Шибанидов остается малоизученной темой. В исследованиях больше внимания уделялось анализу литературы на персидском языке, чем на тюркском [49, с. 99].

Политическая культура государства Шейбани-хана была освещена в публикациях Р.Макчесни, Е.Давидович, Н. Килич, Т.Султанова и др. [39; 54; 57; 59]. Эти исследования важны для понимания политической системы, идеологии и ее возможного влияния на благоустройство Самарканда. Анализ вариаций легитимации власти в Бухарском ханстве, включая Шейбани-хана, приведен в монографии А. фон Кюгельген [21], который помогает понять особенности идеологии Шибанидов в Мавераннахре. Этому вопросу касались также Девин ДиУис, Флориан Шварц [48; 61].

Исследователи предполагают, что творческая активность Шейбани-хана возможно была связана не только с Мавераннахром, но имела истоки в культуре Чингизидов в Золотой Орде [30, с. 497–498] и постордынских государствах. В последние десятилетия достигнут значительный прогресс в исследовании богатого культурного наследия Золотой Орды [14; 18; 19; 24]. Изучение казахстанскими археологами присырдарьинских городищ и памятников XV – начала XVI в. дало ценный материал по развитию местной архитектуры [2; 8; 37]. Результаты этих исследований важны для понимания культурного багажа представителей чингизидской элиты Золотой Орды.

Взаимодействие тимуридской культуры с теми традициями, на которых был воспитан Шейбани-хан и привнес в Мавераннахр, требует отдельного исследования. Историческая топография Самарканда XVI века и роль Шибанидов в благоустройстве города в контексте их религиозной политики и легитимации до сих пор не была предметом отдельного исследования. В предыдущих исследованиях архитектурные сооружения Шибанидов рассматривались как часть истории архитектуры и в отрыве от религиозной политики и идеологии Шейбани-хана и его отношения к тимуридскому наследию. Мы уделили внимание золотоордынскому компоненту в культуре Шейбани-хана и его окружения.

Пути легитимации Шейбани-хана, его культура и окружение

Для понимания мотивов правящих элит в покровительстве архитектурных строительств в городах немаловажным фактором являлась их легитимация. Очевидно, что Шейбани-хан стремился расширить базу своей легитимации в Мавераннахре и Хорасане, используя при этом разные методы и выбирая среди разных исторических и культурных традиций.

Дед Шейбани-хана – Абу-л-Хайр-хан (1430–1468) создал государство в Восточном Дешт-и Кыпчаке, культурная история которого малоизучена. А. Семенов считал, что у Абу-л-Хайр-хана был интерес к литературе и он общался с исламскими интеллектуалами [36, с. 52–54]. На наш взгляд, он продолжал определенные культурные традиции Золотой Орды и одним из важных легитимационных основ его политики была демонстрация следования исламской традиции. Особенно Абу-л-Хайр-хан старался поддерживать связи с хорезмийской культурной элитой [36, с. 52], которая была тесно связана с куль-

турными центрами присырдарьинских районов и Поволжья. Источники сообщают об устроенных Абу-л-Хайр-ханом в Ургенче собраниях ученых-богословов, шейхов и поэтов [5, с. 50]. Шибанидские историки подчеркивают, что Абу-л-Хайр-хан сыграл роль в приходе к власти в Мавераннахре тимурида Абу Саида (1451–1469) и женился на Рабии Султан бегим (умерла в 1485 году в г. Туркестане), дочери Мирзо Улугбека (1394–1449) [55]. Таким образом, были установлены родственные связи с династией Тимуридов.

Воспитание Шейбани-хана было поручено его дедом Уйгур-бай шейху, а затем Карачин бахадуру [40, с. 119]. Видимо, Шейбани-хан получил образование в Туркестане [35, с.40]. А. Семенов считал, что дочь Мирзо Улугбека Рабия Султан бегим, отданная замуж за Абу-л-Хайр-хана в 1451 году, жила затем в Туркестане [36, с. 51]. Учитывая высокий статус женщин в обществе Шибанидов, их активность, участие в собраниях, можно предположить, что в молодости Шейбани-хан получил глубокие знания о Самарканде и его тимуридской культуре от Рабии Султан бегим.

Каждый регион Золотой Орды имел свою специфику, что отличало и периферийные присырдарьинские области, истоки городской культуры которых уходили в ранее средневековье, но было заметно влияние среднеазиатского зодчества [18, с. 47–48]. Исследования казахских археологов позволяют утверждать, что в XIV–XVI вв. в присырдарьинских областях довольно на высоком уровне развивалась исламская культура. Были найдены эпиграфические надписи на керамике и архитектурных памятниках [8, с. 25–26, 36]. С 1446 г. присырдарьинский город Сыгнак стал столицей государства Абу-л-Хайр-хана и оставался ею до 1468/69 г [5, с. 59]. Таким образом, молодость Шейбани-хана прошла в присырдарьинских регионах, которые считались одним из символически-сакральных центров Улуса Джучи [41, с. 111]. Шейбани-хан в своих стихах подчеркивал, что Туркестан является землей святых и светом лика земли (*авлиёлар сарвари ул Туркистон эмиш, ер юзини нури туткан мохи Туркистон эмиш*) [53, s. 157].

Позже Шейбани-хан провел два года в Бухаре, где учился у исламских ученых Маулана Мухаммада Хитайи, шайха Джамал ад-дина ‘Азизана и шайха Мансура [35, с. 43–44]. Б. Ахмедов полагал, что с 1486 по начало 1490-х годов Шейбани-хан провел в Хорезме [5, с. 147], который также был одним из центров исламской культуры Центральной Азии. По мнению Ф.Шварца, Шейбани-хан был близок к тарикату Кубравия. В более позднем источнике один из шейхов Кубрави Шамс ад-дин Мухаммад Хорезми был назван первым учителем и наставником Шейбани-хана [61, с. 151–152]. Вместе с тем Шейбани-хан использовал могущество шейхов Накшбандия в соответствии со своими политическими интересами [43, с. 84–86]. Поддержка, которую Шейбани-хан получил от лидеров суфийских орденов (Накшбандия, Кубравия, Йасавия), помогли ему управлять городами Мавераннахра [54, с. 64].

По мнению В. Бартольда, на Шибанидов оказывали влияние не только идея кочевой державы, но и мусульманская государственная идея, с которой связано стремление управлять государством по законам шариата [9, с. 269]. Анке фон Кюгельген для Бухарского ханства выделяет категорию легитимации посредством сохранения норм, которое осуществлялось через сохранение чингизидского военного порядка, борьбу с неверными, написание нравственно-правовых трудов и строительство исламских общественно-культурных зданий и

др. [21, с. 55–56]. Существовали различные пути легитимации власти через генеалогии и религию. Шейбани-хан подчеркивал свои чингизидские корни и показывал себя знатоком в исламе и юриспруденции. По мнению Ф. Шварца в числе оснований Шейбани-хана на верховную власть в Мавераннахре было позиционирование его в качестве справедливого исламского правителя, знавшего Коран [61, с. 67]. В своей идеологии Шейбани-хан игнорировал генеалогические предания о единстве 92 кочевых дештикыпчакских племен [56, с. 519], что, возможно, говорит о том, что он считал более важным найти поддержку у оседлого и кочевого населения Мавераннахра и Хорасана.

Завоевания Шейбани-ханом государства Тимуридов в источниках шибанидского круга обосновывалось тем, что Мавераннахр являлся владением Чингизидов и лишь временно оказался в руках Тимуридов [20, с. 95–96]. По мнению Шейбани-хана, Тимур и Тимуриды, являлись узурпаторами власти потомственных Чингизидов в Чагатайском улусе, и их религиозные воззрения были неправоверны [35, с. 67]. Стремясь усилить свое влияние, связи среди Чагатаидов и укрепить основы своей власти Шейбани-хан заключал браки с их представителями [54].

Нет никаких свидетельств официальной церемонии интронизации, когда Шейбани впервые взял Самарканд и Бухару. Вероятно, что этот символический акт выражался в выпуске монет с его именем [59, с. 292–293]. В пятницу 27 мая 1507 года в соборной мечети Герата Шейбани-хан приказал читать хутбу на имя своего деда Абу-л-Хайр-хана и на своё имя. При этом упомянули его титул «имам-и заман ва халифат ар-рахман» – «имам своего времени и наместник [Аллаха] всемилостивейшего» [42, с. 211–212]. Салих называет Шейбани-хана ханом узбекского эля, его земля – Туркестан, он потомок Абу-л-Хайр-хана, Джучи и Чингиз-хана [38, с. 34].

Эпоха Шибанидов в Мавераннахре уникальна тем, что в отличие от тимуридского периода была создана собственная историография правящей династии на тюркском языке [9, с. 269]. Отметим, что тюркский язык имел высокий статус в Золотой Орде в XIV–XV вв. [29, с. 36]. Исследователи отмечают, что шейхи Йасави сыграли определенную роль в использовании тюркского языка в поэзии [12, с. 246]. Таким образом, Шейбани-хан рос и воспитывался в среде, где придавалось большое значение тюркскому языку. Изучение стихов Шейбани-хана показывает его кругозор и знание определенных исторических, теологических и литературных трудов. Как отмечал А. Вамбери, сочинения Шейбани свидетельствуют о поэтическом таланте и глубоком знании тюркского, персидского и арабского языков [66, р. 271]. Шейбани-хан был знаком с трудами суфийского деятеля Хусейна Хорезми [53, s. 266]. Шейбани-хан упоминает персидских поэтов Саади, Хафиза, Фарид ад-дин Аттара, а также тюркского поэта Алишера Навои [53, s. 105, 135, 148, 174]. В сочинении «Бахр ал-худа» заметно прямое влияние на Шейбани-хана поэмы персидского поэта Саади «Гулистан» [45, с. 9]. Стихи Саади были популярны как в Золотой Орде, так и в государстве Тимуридов. Стремление Шейбани-хана показать себя высокообразованным в исламской культуре заметно на миниатюре Бехзада, где он изобразил Шейбани-хана с символическими предметами: калямданом, чернильницей и небольшой книжечкой [36, с. 56].

Шейбани-хан старался установить близкие отношения с лояльными ему представителями улема, и привлекал для собраний по религиозно-юриди-

ческим вопросам популярных для того времени потомков законоведа Абу-л-Лайса, Маулана Шараф ад-дина Абд ар-рахима, Ходжа Абу-н-Насра Парса, шейха Мир-и Араба [20, с. 58–79], а также выходцев из Туркестана. При его дворе находились известные поэты, историки: Камал ад-дин Бинаи, Мухаммад Салих, Ибн Рузбихан, Мулла Шади и др.

Особенности исторической топографии Самарканда и новое строительство в эпоху Шейбани-хана

Тимуридский Самарканд делился на хисар – обведенное крепостной стеной городское ядро и пригородную зону. В хисаре находилась цитадель – административный центр. В пригородной зоне находились некрополи, торгово-ремесленные улицы, парки, дворцы и др. [31, с. 10–11]. Как отмечал М. Массон, в XVI веке в общей планировке Самарканда значительных изменений не произошло². Четырехэтажный дворец Кук-Сарай находился в Самаркандской цитадели. Как отмечал Бабур, Кук-сарай функционировал как для коронации, так и как место заключения или казни оппозиционных принцев [7, с. 62–72]. Бабур останавливался в арке Самарканда, в Бустан-Сарае, который примыкал к Кук-сарая [7, с. 62–63, 70–71].

В средние века Самарканд почитался как священный город. Шибанидские историки цитировали хадис: «имеется город, и называют его Самарканд. В нем есть источник из источников рая, сад из садов рая, могила из могил пророков, покойники его в день воскресения из мертвых будут вместе с мучениками за веру» [13, с. 231]. В городе было много исламских святынь, мавзолеев Рухабад, Нур ад-дин Басира, мемориальный комплекс Шах-и Зинда, кладбище Чокардиза [22]. Третьим был комплекс Гур-и Мир, где были похоронены Тимур и Тимуриды. Во второй половине XV века в Самарканде Тимуридами были построены два мавзолея Ишрат-хана и Ак-сарай [31]. Основным центром Самарканда была площадь Регистан, где находились медресе Мирзо Улугбека, его ханака, караван-сарай, соборная мечеть Алике Кукельташа. К югу от медресе Улугбека находилась мечеть Мукатта, которая позже называлась мечетью Омара или Голубой мечетью [10, с. 128]. Соборная мечеть Тимура считалась главной в городе. В городе функционировали ряд различных медресе: Мухаммад Султана, Мирзо Улугбека, Ханым (Биби-ханым – А.М., К.Т.), Ходжа Ахрара и др. По свидетельству Ибн Рузбихана в эпоху Шейбани-хана в пригородной местности на холме все еще возвышалось здание обсерватории Мирзо Улугбека [20, л.126а]. Садово-парковые комплексы определили уникальный облик Самарканда в эпоху Тимура и Тимуридов.

Как подчеркивал МакЧесни, потребности оседлого государства требуют фиксированного постоянного географического центра. Контроль над тимуровским Самаркандом придавал определенную легитимность Шейбани-хану и он сделал его своей столицей [59, с. 285]. Ибн Рузбихан перечисляет столицы доисламских и исламских государств и подчеркивает, что опорой трона ханов Чингизидов из потомков Джучи страны узбеков и чагатайских ханов был Самарканд и прилегающие к Мавераннахру области [20, с. 66]. Шейбани-хан хвалил Самарканд как раеподобный город [53, с. 159, 172, 259].

² Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, фонд Р-2773, опись 3, дело 22, л. 125аб.

Когда Шейбани-хан впервые взял город, он разместился в крепости Самарканда [38, с. 55]. На празднике по случаю взятия Самарканда весной 1501 года Шейбани-хан объявил, что продолжает дело пророка Мухаммада и борется против тех, кто искажает ислам [40, с. 123]. Шейбани-хан в стихах упоминает торжества – *туй* в тимуровском дворце Кук-сарай после взятия Самарканда, где он посадил на трон мать (*валида*) и упоминает сына Мухаммад Тимура [53, с. 136].

Как отмечают исследователи, Шибаниды предприняли строительство монументальных зданий, которые величиной и роскошью не уступали постройкам Тимуридов [32, с. 322]. Ибн Рузбихан акцентирует внимание на усилиях Шейбани-хана в восстановлении законности в вакфах для медресе, ханака и мазаров и повышении содержания преподавателей медресе и учащихся [20, л. 130б–131а]. Он выделил четыре центра интеллектуальной жизни эпохи Шейбан-хана в Самарканде, где читал хадисы и лекции: на мазаре Чакардиза, в соборной мечети Тимура, в медресе Алийа-йи мабани и на мазаре имама Мухаммада б. Исмаила аль-Бухари [20, с. 72].

Садово-дворцовый комплекс Баг-и Нау (новый сад – в переводе с персидского – *А.М., К.Т.*) считался официальной резиденцией для последних Тимуридов: Байсункур-мирзы, Бабур [7, с. 62–63]. Баг-и Нау, по мнению М.Е. Массона, находился на месте современного городского парка Самарканда. Дворец Баг-и Нау имел большую высоту и площадь, где размещались айваны с 4–5 сторон [4]. В первой половине XVI века в Самарканде нашли продолжение традиции садово-паркового искусства Тимуридской эпохи. Сам Шейбани-хан любил останавливаться в саду Баг-и Нау [20, с. 150], он отмечает, что сочинил одну из газелей в этом саду [53, с. 98]. Ибн Рузбихан не случайно подробно останавливается на торжественных мероприятиях в саду, который стал «местопребыванием трона халифата и престола великолепия и власти». Он подчеркивает, что состоявшийся праздник был организован сыном Шейбани-хана Мухаммад Тимур султаном [20, л. 122а–122б]. Таким образом, Шейбани-хан стремился следовать традициям поздних Тимуридов.

Традиционным местом для официальных торжеств в Самарканде в эпоху Тимура и Тимуридов была местность Кан-и Гиль к востоку от города, в центре которой Шейбани-хан построил ханскую резиденцию [20, л. 126а]. Для строительства привлекались мастера из других регионов. В начале XVI века из Герата в Самарканд переехал ландшафтный архитектор Мирак-и Сайид Гийас (родился в 1476/1477 году) [63, с. 112–114]. Отметим, что местность Кан-и Гиль впервые упоминается в источниках XIV века, как место торжеств в честь приезда в Самарканд чингизида Хулагу-хана в 1255 году, который направлялся с походом на Багдад [22, с. 185]. Таким образом, этот район имел историческое значение не только для Тимуридов, но и для Чингизидов.

По инициативе Шейбани-хана в ноябре 1502 г. была закончена дамбамост, связавшая г. Самарканд с заречными районами и обеспечившая безопасный и удобный проезд через Зерафшан [35, с. 57]. На сегодняшний день сохранилась часть арки этого уникального гражданского сооружения. Возможно, что в Самарканде были построены и другие памятники, однако в существующих источниках таких сведений нет и лишь архелогические исследования могут пролить свет на этот вопрос.

Судя по историческим хроникам, по приказу Мухаммад Шейбани-хана в 1504 году в Самарканде было начато строительство медресе [25]. Эта традиция находит свои истоки не только в тимуридской культуре, но и в высоких культурных традициях Золотой Орды. Данные письменных источников свидетельствуют, что медресе были довольно многочисленны в Золотой Орде. Тем не менее археологически они почти не выявлены. Единственное здание, которое может быть атрибутировано как медресе, находится в Солхате в Крыму [19, с. 130]. Медресе строились и на территории присырдарьинских городов, например, медресе, исследованное на городище Сауран в Казахстане, недалеко от г. Туркестана. Одно из них представляло собой прямоугольную в плане двухайванную постройку, построенную по распоряжению племянника Шейбани-хана – Убайдуллы-хана в 1515 г. [37, с. 110].

Очевидно, что местоположение медресе Шейбани-хана не было случайным. М. Массон, составивший карту исторического Самарканда XVI века, показал месторасположение медресе между площадью Регистан и соборной мечетью Тимура³. Медресе Шейбани-хана располагалось неподалеку от медресе Ханым (Сарай-мульк ханым или Сарай Малик ханым, старшей жены Тимура, дочерью чингизида – Казан-хана, легитимного правителя Чагатайского улуса). В вакфном документе утверждается, что Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан, он сын преславного хана...господина государей тюркских, арабских и персидских, ...покойного... Абу-л-Хайр-хана, ...в городе Самарканде... в начале Чахорсу, в махалле Бобо Худайдод соизволил построить медресе Олия... [25, с. 227]. По данным Ибн Рузбихана в 1508–1509 годах в медресе проходили собрания и диспуты, в которых принимал участие сам Шейбани-хан [20, л.122б]. В более поздних источниках подчеркивается, что медресе хана-шахида Мухаммад Шейбани-хана, потомка Чингиз-хана, находилось к западу от дороги к мавзолею Хазрат-и шах (Шах-и Зинда). В центре двора медресе находилась суфа Шейбани-хана [33, с. 171].

Медресе для Шейбани-хана служило символом мусульманского образования и юриспруденции. М. Массон предположил, что медресе возводилось специально для узбекской родовой аристократии⁴, но не исключено, что оно приобрело такие функции в более поздний период. Медресе Олия-и хония было известно также по имени его строителя Мухаммад Шейбани-хана, а иногда именовалось кратко Медресе-и хон [25, с. 15]. По данным Ибн Рузбихана медресе Олия-и хония с хужрами и двором к 1509 г. было уже завершено. В 1509 году Ибн Рузбихан читал лекции и хадисы в медресе Шейбани-хана [20, л. 42б].

По мнению исследователей, в эпоху Тимуридов тюрко-монгольская номадная культурная традиция сравнительно с исламскими обычаями оседлых жителей давала больше пространства для социальной и политической активности женщин [65, р. 141] и эта традиция нашла свое продолжение в эпоху Шибанидов. В начале XVI века при дворе Шейбани-хана жили поэтессы, например, его жена Могул хатун (настоящее имя – Айша Султан хатун) тоже писала стихи [64, р. 128–132].

³ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, фонд Р-2773, опись 3, дело 22.

⁴ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, фонд Р-2773, опись 3, дело 22, л. 127.

Свой вклад в благоустройство Самарканда внесла невестка Шейбани-хана, жена Мухаммад Тимур султана – Мехр Султан ханым, дочь казахского хана Бурундук-хана [39, с. 142]. Бурундук-хан породнился с Шейбани-ханом, а также выдал еще одну дочь за брата Шейбани-хана Махмуд-султана [23, с. 32–33]. В исторических сочинениях невестку Шейбани-хана именуют также Михри-ханым и Михрибон-ханым, а как родительницу наследника престола называют Махди Улия – Высокая колыбель [25, с. 5]. Согласно “Вакф-наме”, здание медресе Олия-и хония было достроено по распоряжению Мехр Султан ханым. Затем рядом с ним она построила другое медресе, называемое Шимолия [25, с. 21]. За ней, видимо, и сохранилась слава строителя медресе Шейбани-хана. Таким образом, образовался архитектурный комплекс, который включал в себя два медресе, мечеть, библиотеку и дахму⁵. Так возникли два смежных медресе, выходящих порталами в разные стороны: медресе Шейбани-хана и Мехр Султан ханым близ самаркандского Чарсу. Они были объединены общим монументальным пештаком [32, с. 337]. В состав двух медресе, кроме многочисленных худжр, входили мечеть, арка и гробницы (т.е суфа с останками Шейбани-хана и других Шибанидов) [25, с. 24]. Мехр Султан ханым принадлежали сады-чарбаги (архитектурно-организованные сады) в Махала-и Фагдаррох-и Хурд и Баг-и Дилафруз [58, с. 103, 108].

Известно, что в годы кризиса XVIII века медресе Шейбани-хана оказалось в руинах и было перестроено в конце XVIII века, но уже имело другой вид [25, с. 9–10]. Трудно сказать, по каким традициям было построено медресе Шейбани-хана, так как археологического исследования не производилось. План, разрез и фасад этого перестроенного медресе Шейбани-хана в Самарканде содержится в «Туркестанском альбоме», составленном в 1871–1872 гг. План и фасад медресе Шейбани-хана представлял собой обширный двор, с трех сторон окруженный одноэтажной крытой галереей с комнатами для студентов (*худжры*). Вход во двор отмечен отдельной структурой входа (в нижней части) [34]. Судя по плану сохранившейся части медресе, оно отличалась от медресе Мирзо Улугбека в Самарканде. К сожалению, медресе было снесено в XX веке. Только дальнейшие археологические исследования месторасположения медресе Шейбани-хана могут пролить свет на этапы его строительства.

Имеются сведения и о другом самаркандском медресе эпохи Шейбани-хана, возведенным выходцем из Туркестана – садром маулана Абд ар-рахимом, сыном маулана Махмуда Туркестани [6, с. 152; 25]. Дальнейшее изучение вакфных документов XVI века позволит выявить названия неизвестных до сих пор медресе.

Суфа Шейбани-хана

Первые ханы-Чингизиды были захоронены со своим снаряжением в безымянных могилах, установленных в заповедных или запретных зонах, известных как *корук* [44, с. 318–319]. Затем под влиянием традиций населения тех стран, где правили Чингизиды, произошли трансформации погребальной культуры, отразившиеся при строительстве Чингизидами надземных купольных мавзолеев в XIV веке в государстве Ильханидов и Чагатаидов. Отличи-

⁵ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, фонд Р-2810, опись 2, дело 175, л.15.

тельной особенностью их архитектуры этого периода является религиозный синкретизм [44, с. 320].

Классификация золотоордынских мавзолеев отчетливо показывает, что в Золотой Орде существовала своя синкретичная традиция мемориальной архитектуры. Существовали наземные склепы разных конструкций. Некоторые можно интерпретировать как оградки – *хазира*, то есть огороженные участки, включающие в себя могилы [14, с. 73]. Среди памятников монументальной мемориальной архитектуры Восточной части Улуса Джучи С.Аджигали выделяет мавзолеи (как преимущественно купольные сооружения) и *торткулаки* – четырехугольные ограды [2, с. 219].

Разные культурные традиции проявились при возведении мавзолеев для Абу-л-Хайр-хана и его жены дочери тимурида Мирзо Улугбека Рабии Султан бегим. Если её мавзолей в Туркестане является типичным тимуридским мавзолеем XV в. [2, с. 239], то мавзолей Кок-кесене, скорее всего принадлежавший Абу-л-Хайр-хану (1430–1468), был более типичен для традиций присырдарьинских областей и Хорезма [8, с. 64]. Также вокруг него располагались другие меньшие по размеру мавзолеи [31, с. 81–83].

Как отмечает Ибн Рузбихан, «могилы и гробницы всех ханов узбеков из шибановцев, юрты которых в старину были близки к Туркестану, находятся в самом Сыгнаке и в его округе... Поневоле, из именитых ханов Дешта гроб каждого, кому наступал час предопределенной смерти, обязательно доставляли в Сыгнак, и над могилой его воздвигали здание, похожее на купол» [20, с. 117]. Шейбани-хан соблюдал традицию почитания и поклонения деду, и посещал его могилу при совершении походов в Дешт-и Кипчак [20, л. 109б].

Возникает вопрос: какой традиции следовал Шейбани-хан при возведении мемориальных построек и медресе? На наш взгляд, для прояснения этой проблемы требуются специальные исследования. После окончательного покорения Самарканда Шейбани-хан решил изменить традицию и выбрал столицу своего государства местом захоронения своих близких родственников.

По мнению исследователей, в эпоху Шибанидов в Мавераннахре возрастает роль духовенства в различных сферах общественной жизни и происходит какой-то идеологический сдвиг, что, в частности, проявилось в том, что в области монументальной архитектуры резко уменьшается строительство мавзолеев. Большая часть погребений ханов и крупных шейхов осуществлялись при медресе или при ханаке [32, с. 330]. В XVI веке изменились взгляды на мемориальную архитектуру, и монументальные усыпальницы уступили место захоронениям под открытым небом [16, с. 304]. Одним из первых примеров новой традиции стало возведение дахмы или суфы Шейбани-хана рядом с его медресе. Интересным, но недостаточно исследованным вопросом является генезис сооружений в виде дахмы. В Бухаре дахмой называли погребальное сооружение в форме параллелепипеда с открытой площадкой сверху [26, с. 118]. Дахмы второй половины XV и XVI–XVII вв. строились при ханаке во дворе (дахмы ханаки Баха ад-дина Накшбанди, Касым шайха, Ходжи Ахрара в Самарканде и др.) [27, с. 64]. Сооружения типа дахмы возводились над погребениями духовных лидеров либо лиц, принадлежавших к царствующей династии. В Бухарской области по внутренним конструкциям выделено десять вариантов дахм [26, с. 119]. Мы не исключаем, что поминальные оградки, распространенные в Дешт-и Кыпчаке, могли оказать влияние на

формирование особенностей погребального зодчества первых Шибанидов. В 1501 году Самарканд перешел в руки Шейбани-хана, а в 1504 году умер его брат Махмуд султан и он был первым из Шибанидов, похороненных в Самарканде у медресе Шейбани-хана [11, с. 125]. Как отмечает Ибн Рузбихан, возникли дискуссии по поводу того, какой следовать традиции при возведении погребального сооружения, и Шейбани-хан выразил свое мнение относительно намогильных памятников. В результате Шейбани-хан приказал построить над могилой Махмуд султана строение и сделать соответствующую надпись [20, л. 122б]. Также над могилой Махмуд султана возвели *талар* (деревянный четырехстолпный навес) [11, с. 125]. В апреле 1509 года скончалась мать Шейбани-хана госпожа Ак кузибегим [23, с. 97–98] или Кубрабегим. Её останки были перевезены из Бухары и похоронены в медресе в Самарканде [20, л. 132б], однако, видимо, позже ее надгробие затерялось, так как исследователи его не нашли.

Гробница первых Шибанидов в Самарканде имела форму прямоугольной призмы, напоминающей суфу (ее также называли также дахмой). В вакфном документе использовались два термина: *суфа олия* и *макбара* [25, с. 110]. В 1510 году во дворе медресе в суфе был похоронен сам Шейбани-хан. С этого времени это могильное сооружение стало известно под названием “суфы Шейбани-хана” [25, с. 19]. Н. Веселовский считал, что дахмы возводились для «чтимых мусульманских святых» и дахма Шейбани-хана является исключением, вероятно, потому что он был мучеником-шахидом [15, с. 296]. В надгробной надписи подчеркивается, что он погиб за веру и в пятницу, святую для мусульман [15, с. 297]. В поздних источниках также упоминаются суфы, сложенные из жженного кирпича, мазара Бурхан ад-дина Маргинани на кладбище Чокардиза, суфа или хазира Ходжа Ахрара, суфа Махдуми Агзама в Дагбите [33, с. 189–212]. На наш взгляд, это была инновация, так как до этого Тимуридов и представителей светской элиты не хоронили в дахмах, а эту привилегию имели только влиятельные семьи духовенства и «святых семей». Видимо, это явление связано с религиозной политикой Шейбани-хана, провозгласившего себя «имамом времени», что было усилено его мученической гибелью от рук шиитов в 1510 году. Брак престолонаследника Шейбани-хана Мухаммад Тимур султана с дочерью влиятельного термезского сайида [23, с. 18] служил своего рода связующим «мостом» между Шибанидами и «святými семьями». Видимо, не случайно на фотографии 1870-х годов можно увидеть *туг* (шест с привязанным к нему конским хвостом), установленный у суфы Шибанидов [34]. Отметим, что обычно такие туги обычно устанавливались на мазарах у могил суфийских святых, сайидов и т.д.

Трудно сказать, насколько и как на протяжении XVI века менялась форма или планировка погребального сооружения Шейбани-хана, так как захоронения продолжались до 1586 года. К XIX веку суфа Шейбани-хана состояла из высокого возвышения, состоявшего из каменных, полированных плит и брусев, сложенных с каменными колонками. На этом возвышении лежали ряды намогильных камней Шейбани-хана и его родственников. При проведении прямой улицы в 1870-х годах, оказалось необходимым перенести суфу западнее [17]. К сожалению, нет никаких записей о том, как производились раскопки, какой конструкции была дахма и были ли обнаружены какие-либо предметы материальной культуры.

Как отмечают исследователи, захоронения Шибанидов окончательно приобрели вид дахмы по распоряжению Мехр Султан ханым [11, с. 125]. По мнению Л. Маньковской, Мехр Султан ханым воздвигла большую суфу Шейбани-хана в 1515–1516 годах⁶. В 1514 году в суфе похоронили сына Шейбани-хана Мухаммад Тимур султана [25, с. 228]. В 1520-х годах Мехр Султан ханым приказала приготовить для себя макбара, “с тем, чтобы ее голова оставалась у ног уважаемого супруга [Мухаммед Тимур-султана]...”. [25, с. 21]. Однако ее надгробия среди надгробных камней Шибанидов не обнаружено.

В настоящее время дахма Шибанидов представляет собой погребальное сооружение в виде прямоугольной призмы. Были исследованы более 30 надгробий из суфы, в их числе – сын Шейбани-хана Мухаммад Темур (1514 г.), дочь Шейбани-хана Шахрбану ханым (1536 г), Кутлук Мухаммад султан, сын Ахмад султана, внук Шейбани-хана (1545 г.), Ак Бубай Ханзада ханым, дочь тимурида Султан Махмуд мирзы, сына Абу Саид мирзы и др. Самое позднее надгробие датируется 1586 годом [11, с. 128–149]. На надгробных камнях нанесены цитаты из Корана, хадисов, скорбные *марси* со стихами персидских поэтов: А. Саади, А. Джами и др. [11, с.128–140]. Таким образом, Шейбани-хан и его последователи не решились на использование тюркского языка в мемориальной эпиграфике и сохранили тимуридскую традицию.

Строительство одной из дахм, которая почиталась как святое место и находилась около северных городских ворот Пайкабак, была связана с туркестанскими шейхами второй половины XV века: Саййид Ахмадом и халифа ишан Шамс ад-дином Узганди [33, с. 168, 179]. Шейх Шамс ад-дин Узганди был одним из преемников шейха Сайид Ахмада и происходил из Узгента Туркестанской области [12, с. 239].

Заключение

Культурная идентичность Шейбани-хана, включавшая традиции золотоордынской чингизидской элиты, претерпевшей изменения под влиянием культуры Хорезма, присырдарьинских областей, Бухары и религиозной программы самого монарха, определила его политику по строительству монументальных зданий в Самарканде. Шейбани-хан хотел внести что-то новое в украшенную шедеврами мирового зодчества бывшую столицу Тимуридов. В отличие от Тимура, который большое внимание обращал на благоустройство традиционных святилищ Самарканда, Шейбани-хан заботился о строительстве медресе и гражданских сооружений.

За короткий срок правления, сопровождавшегося непрерывными военными походами, Шейбани-хан успел выразить некоторые свои идеи через строительство суфы – погребального сооружения членов своей семьи, медресе, садово-дворцовых комплексов и моста в Самарканде. Строительство достаточно скромной суфы отличалось от роскошных мавзолеев Тимуридов и усыпальницы деда самого Шейбани-хана в Сыгнаке. Не исключено, что суфа подражала дахам высшего духовенства Бухары или продолжала традиции погребальных оградок Дашт-и Кипчака. Суфа находилась во дворе медресе Шейбани-хана, которое выступало как символ мусульманского образования и

⁶ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, фонд Р-2810, опись 2, дело 175, л. Заб.

законотворчества. Местоположение медресе имело символический характер, так как было расположено между медресе чингизидки, старшей жены Тимура Сарай Мульк-ханым и медресе Мирзо Улугбека. Основной целью строительства культовых сооружений Шейбани-ханом было использование ислама как средства пропаганды своей власти и легитимации династии. Тимуридские традиции строительства дворцово-садовых комплексов нашли свое продолжение в возведении новых комплексов. Ближайшее окружение Шейбани-хана – представители духовенства из г.Туркестана, получило возможности для осуществления строительной деятельности в Самарканде. Немалое значение для культурной политики имел гендерный вопрос: когда женщины рода Чингиз-хана достигли высокого социального статуса, что проявилось, в частности, в том, что невестка Шейбани-хана, представительница рода казахских чингизидов Мехр Султан ханым получила права на учреждение вакфов, строительство нового медресе и архитектурного комплекса в центре города, рядом с медресе погибшего Шейбани-хана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М.М., Пугаченкова Г.А. Наука, культура, искусство, архитектура // История Самарканда. Т. 1. Ташкент: Фан, 1969, С. 287–302
2. Аджигали С.Е. Архитектура кочевников–феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. 654 с.
3. Акрамов А.М. Введение // Таварих-и гузида Нусрат-наме. Исследование, критический текст А.М. Акрамова. Ташкент, 1967. С. 7–12.
4. Алимов У.А. История садово-паркового хозяйства Самарканда XIV–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1974. 44 с.
5. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 196 с.
6. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985. 263 с.
7. Бабур-наме. Перевод М.А. Салье. Общая редакция и доработка С.А. Азимджановой. Издание второе, доработанное. Ташкент, 1992. 463 с.
8. Байпаков К.М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд: МИЦАИ, 2012. 283 с.
9. Бартольд В.В. Сочинения. Том. II. Часть 1. М.: Наука, 1963. 1024 с.
10. Бартольд В.В. Сочинения. Том. II. Часть 2. М.: Наука, 1964. 661 с.
11. Бобожонов Б., Муминов А., Пауль Ю. Шайбонийлар кабртошларидаги биттиklar. Висбаден, 1997. 191 с.
12. Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка (определение хикматов Ахмада Ясеви) // Советское востоковедение, выпуск V. 1948. С. 229–250.
13. Бухари, Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Часть 2. Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.Салахетдиновой. М., 1989. 560 с.
14. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.
15. Веселовский Н. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани // Труды VIII археологического съезда в Москве, 1890, Т. III. М., 1897. С. 290–297.
16. Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 8. М.: издательство литературы по строительству, 1969. С. 304–330.

17. Вяткин В.Л. Памятники древностей Самарканда. Издание второе. Самарканд, 1929. 32 с.
18. Зиливинская Э.Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии. Автореф доктор дисс. М.: ИА РАН, 2012. 59 с.
19. Зиливинская Э.Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи, М.: издательский дом Марджани, 2013. С. 95–134.
20. Исфохани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. М.: Наука, 1976. 536 с.
21. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.
22. Маликов А.М. История Самарканда (с древних времен до середины XIV века). Т. 1. Ташкент: Paradigma, 2017. 336 с.
23. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 652 с.
24. Миргалеев И.М. Сколько лет золотоордынской цивилизации? // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств №1. 2014. С.118–121.
25. Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в: по материалам Вақф-Наме. Ташкент: Фан, 1966. 355 с.
26. Некрасова Е.Г. Бухарские дахмы // Общественные науки в Узбекистана. 1995, № 5–8. С. 118–122.
27. Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: к истории архитектурного комплекса. Бухара: Бухоро, 2003. 215 с.
28. Норик Б.В. Роль шибанидских правителей в литературной жизни Мавераннахра XVI в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 226–267.
29. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. Автореферат дисс. доктора филол. наук. Казань, 2004. 45 с.
30. Почекаев Р.Ю. Между «Чингизизмом» и шариатом: политико-правовые взгляды Мухаммада Шайбани-хана // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО «Издательский дом „Медина“, 2017. С. 485–501.
31. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент: издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1976. 116 с.
32. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. Москва: Искусство, 1965. 688 с.
33. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахир ходжи. Перевод В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. 1898. Вып. VI. Самарканд, 1899. С. 154–259.
34. Самаркандские древности. Медресе Шейбани-хана и развалины мавзолея Кускунчи-хана. Вид на внутренний двор и усыпальницу Шейбани-хана. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wdl.org/ru/item/3824/> (дата посещения – 20.05.2022)
35. Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Академия наук Таджикской ССР. Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. XII, Вып. I. Сталинабад, 1954. С. 39–83.
36. Семенов А.А. Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. 1956. № 3. С. 51–59.

37. Смагулов Е.А. Застройка Центральной площади города Сауран XIV–XVI вв. // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 93–119.
38. Солих Мухаммад. Шайбонийнома. Нашрга тайёрловчи Э. Шодиев. Ташкент, 1989. 336 с.
39. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
40. «Таварих-и гузида-Нусрат-наме». Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филол. наук А.М. Акрамова. Ташкент, 1967. 358 с.
41. Трепавлов В.В. Сакральная топография улуса Джучи // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 107–115.
42. Хондамир Гиёсиддин Бин Хумомиддин. “Буюклик хислати”. «Ҳабиб ус-сийар фи ахбори афроди башар» – «Башар аҳли сийратидан хабар берувчи дўст» китобининг Захириддин Мухаммад Бобур ҳаёти ҳақидаги боблари. Форс тилидан таржима, кириш сўзи ва изоҳлар муаллифи: Исмоил Бекжонов. Тошкент: Шарк, 2011. 304 б.
43. Babajanov B. La naqshbandiyya sous les premiers Sheybanides, Cahiers d'Asie Centrale, 3/4, 1997, pp. 69–90.
44. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation. Journal of the Economic and Social History of the Orient 62, no. 2–3 (2019), pp. 318–355.
45. Bodrogligeti A. Muhammad Shaybani's 'Bahru'lhuda'. An Early Sixteenth Century Didactic Qasida in Chagatay. Ural-Altai Yearbook. 54. 1982, pp. 1–56.
46. Bodrogligeti A. Yasavi ideology in Muhammad Shaybani Khan's vision of an Uzbek Islamic empire. Journal of Turkish Studies, no. 18. (1994), pp. 41–56.
47. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
48. DeWeese, Devin. A Sixteenth-Century Interpretation of the Islamization of the Mongols Attributed to Jalāl al-Dīn Rumi. Mawlana Rumi Review 5, no. 1 (2014), pp. 88–105.
49. DeWeese, Devin. Chaghatay Literature in the Early Sixteenth Century: Notes on Turkic Translations from the Uzbek Courts of Mawarannahr, in Hickman, Bill and Leiser, Gary (eds.), Turkish Language, Literature, and History: Travelers' Tales, Sultans, and Scholars since the Eighth Century (A Volume of Studies in Honor of Robert Dankoff). London: Routledge, 2016, pp. 99–117.
50. Eraslan, Kemal. “Şiban Han'ın 'Bahru'l-Hüdâ' Adlı Eseri, Türk Kültürü Araştırmaları, Yıl: XXVIII/ 1–2, Ankara 1991, s. 103–177. (in Turkish).
51. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society. In Central Asia on Display: Proceedings of the VIIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies, vol. 1, p. 145. LIT Verlag Münster, 2004, pp. 145–150.
52. Golombek, L., Wilber, D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988, 510 p.
53. Karasoy, Yakup, ed. Sibani Han Dîvânî (inceleme-Metin-Dizin Tipkibasım). Ankara: Türk Dil Kurumu 1998. (in Turkish). 859 p.
54. Kılıç, Nurten. «Change in Political Culture: The Rise of Sheybani Khan», Cahiers d'Asie centrale [Online], 3/4 | 1997, Online since 03 January 2011, connection on 03 May 2019. Available at: <http://journals.openedition.org/asiacentrale/473> Aix-en-Provence: Édisud. Cahiers d'Asie centrale 3–4.
55. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. Islamic Central Asia: an anthology of historical sources. Indiana University Press, 2010, 318 p.
56. Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532

57. McChesney, R.D. Shibani Khan in *Encyclopedia of Islam*, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 426–428.

58. McChesney R.D. Some observations on “garden” and its meanings in the property transactions of the Juybari family in Bukhara, 1544–1577 In: *Gardens in the time of the great muslim empires. Theory and design*. Edited Attilio Petruccioli. Brill. Leyden, New York, Koln, 1997. pp. 97–109.

59. McChesney, Robert D., Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. In: *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Cambridge University press, 2009, pp. 277–302.

60. Nas, P. JM, / Pierpaolo de Giosa. Conclusion: feeling at home in the city and the codification of urban symbolism research, *Cities full of symbols: a theory of urban space and culture*, Leiden University Press, 2011, pp. 283–292.

61. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert. (*Islamkundliche Untersuchungen*, 226), Berlin, Klaus Schwarz, 2000, 270 p.

62. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids in *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4. 1988, pp. 479–505.

63. Subtelny, Maria Eva. Agriculture and the Timurid chaharbagh: the evidence from a medieval Persian agricultural manual in *Gardens in the time of the great muslim empires. Theory and design*. Edited Attilio Petruccioli. Brill. Leyden, New York, Koln, 1997, pp. 110–128.

64. Szuppe, Maria. The female intellectual milieu in Timurid and post-Timurid Herat: Faxri Heravi’s biography of poetesses, *Javaher al-'Ajayeb // Oriente moderno* 15, no. 2 (1996), pp. 119–137.

65. Szuppe Maria. Status, knowledge and politic: women in sixteenth century Safavid Iran in *Women in Iran from the rise of Islam to 1800*. Edited by Guity Nashat and Lois Beck. University of Illinois press. 2003, pp. 140–169.

66. Vámbéry, Ármin. *History of Bokhara from the Earliest Period Down to the Present: Composed for the First Time After Oriental Known and Unknown Historical Manuscripts*. HS King & Company, 1873, 419 p.

Сведения об авторах: Азим Маннонович Маликов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Азиатских исследований факультета искусств, Университет Палацкого (77900, ул. Свободы, 26, Оломоуц, Чешская Республика); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimma12018@gmail.com

Кенже Ускенбаевна Торланбаева – доктор исторических наук, независимый исследователь (050002, ул. Шевченко, 28, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0003-0343-8887. E-mail: torlanbayeva@mail.ru

*Поступила 02.03.2022 Принята к публикации 08.05.2022
Опубликована 29.06.2022*

REFERENCES

1. Abramov M.M., Pugachenkova G.A. Science, culture, art, architecture. *Istoriya Samarkanda*. Vol. 1 [History of Samarkand] Tashkent: Fan Publ, 1969, pp. 287–302. (In Russian)

2. Adzhigali, S. Ye. *Arkhitektura Nomad architecture is a phenomenon of history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)*. Almaty: Gylym, 2002. 654 p. (In Russian)

3. Akramov A.M. Introduction. *Tavarikh-i guzida Nusrat-name. Issledovanie, kriticheskiy tekst A.M.Akramova*. [Tavarikh-i guzida Nusrat-name. Research, critical text by A.M.Akramov]. Tashkent: Fan Publ., 1967. pp. 7–12. (In Russian)
4. Alimov U.A. The history of the garden and park economy of Samarkand XIV–XV centuries. Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Tashkent, 1974. 44 p. (In Russian)
5. Akhmedov B.A. *State of nomadic Uzbeks*. Moscow: Nauka, 1965. 196 p. (In Russian)
6. Akhmedov B.A. Historical and geographical literature of Central Asia XVI – XVIII centuries (written monuments). Tashkent: Fan, 1985. 263 p. (In Russian)
7. Babur-name. Translation from Turkic by M.A.Salie. General edition and revision by S.A. Azimdzhanova. Second edition, revised. Tashkent, 1992. 463 p. (In Russian).
8. Baypakov K.M. Islamic archaeological architecture and archeology of Kazakhstan. Almaty-Samarkand, 2012. 283 p. (In Russian)
9. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 1. Moscow: Nauka, 1963. 1024 p. (In Russian)
10. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 2. Moscow: Nauka Publ., 1964. 661 p. (In Russian)
11. Bobojonov B., Muminov A., Paul Y. Inscriptions on the gravestones of the Sheibanids. Wisbaden, 1997. 191 p. (in Russian, Uzbek and German)
12. Borovkov, A.K. Essays on the history of the Uzbek language (definition of the khikmats of Akhmad Yasevi). *Sovetskoye vostokovedeniye* [Soviet Oriental Studies], Issue 5, 1948. pp. 229–250. (In Russian)
13. Bukhari, Khafiz-i Tanysh. Sharaf namayi shakhi. Book of the Shah's Glory. Part 2. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by M. Salakhedinova. Moscow, 1989. 560 p. (In Russian)
14. Vasil'yev, D.V. Islam in the Golden Horde: historical-archaeological research. Astrakhan: Astrakhanskiy universitet, 2007. 170 p. (In Russian)
15. Veselovskiy, N. Details of the death of the Uzbek Khan Mohammed Sheibani. *Trudy VIII arkheologicheskogo s"yezda v Moskve* [Proceedings of the VIII Archaeological Congress in Moscow, 1890, vol. III]. Moscow, 1897, pp. 290–297. (In Russian)
16. Voronina V.L. Architecture of Central Asia XVI–XVII centuries. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 tomakh*. Vol. 8. [General history of architecture in 12 volumes] Moscow: publishing house of literature on construction, 1969, pp. 304–330. (In Russian)
17. Vyatkin, V.L. *Antiquities of Samarkand. Second edition*. Samarkand, 1929. 32 p. (In Russian)
18. Zilivinskaya, E.D. *Interaction of cultural traditions in the architecture of the Golden Horde according to archeological data*. Abstract Doctor Diss. Moscow: IA RAN, 2012. 59 p. (In Russian)
19. Zilivinskaya, E.D. The architecture of piety in the Golden Horde (according to written sources and archaeological data). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnyye sosedi* [From Onon to the Thames. Chingisids and their western neighbors]. Moscow, 2013, pp. 95–134. (In Russian)
20. Isfahani, Fadhlallah ibn Ruzbikhan. *Mikhman-name-yi Bukhara* (Bukhara Guest's Notes). Transl., foreword and notes by R. P. Dzhililova. Ed. by A.K. Arends. Moscow: Nauka, 1976. 536 p. (In Russian and Persian)
21. von Kugelgen A. *The legitimization of the Central Asian dynasty of the Manghyts in the works of their historians (eighteenth–nineteenth centuries)*. Almaty: Dayk-press Publ., 2004. 516 p. (In Russian)
22. Malikov A.M. *History of Samarkand (from ancient times until the middle of the 14th century)*. Vol. 1. Tashkent: Paradigma, 2017. 336 p. (In Russian)
23. Materials on the history of Kazakh khanates of the XV–XVIII centuries (extracts from Persian and Turkic writings). Alma-ata, 1969. 652 p. (In Russian)

24. Mirgaleyev I.M. How old is the Golden Horde civilization?. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], no. 1, 2014, pp. 118–121. (In Russian)

25. Mukminova R.G. *On the history of agrarian relations in Uzbekistan in the 16th century: based on the materials of Vakf-Name*. Tashkent: Fan, 1966. 355 p. (In Russian).

26. Nekrasova Ye.G. Bukhara dakhmas. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistana* [Social sciences in Uzbekistan] 1995, no. 5–8, pp. 118–122. (In Russian)

27. Nemtseva N.B. *Khanaka Sayf ad-Din Bakharzi in Bukhara: to the history of the architectural complex*. Bukhara: Bukhoro 2003. 215 p. (In Russian)

28. Norik B.V. The role of Shibanid rulers in the literary life of Maverannahr in the 16th century. *Rakhmat-name: Sb. statey k 70-letiyu R.R. Rakhimova* [Rakhmat-name: Collection of articles for the 70th anniversary of RR Rakhimov. St. Petersburg: MAE RAN, 2008, pp. 226–267. (In Russian)

29. Nuriyeva F.Sh. *Formation and functioning of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period*. Abstract dissertation. doctor filol. Science. Kazan, 2004. 45 p. (In Russian)

30. Pochekeyev R.Y. Between “Chingisism” and Sharia: Political and Legal Views of Muhammad Shaybani Khan. *XIII Faizkhanovskiye chteniya. Naslediye Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Yevrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [XIII Faizkhanov readings. The legacy of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific and practical conference.]. Moscow: Medina, 2017, pp. 485–501. (In Russian)

31. Pugachenkova G.A. *The architecture of Central Asia. XV century*. Tashkent: publishing house of literature and art named after Gafur Gulyam, 1976. 116 p. (In Russian)

32. Pugachenkova G.A., Rempel' L.I. *Art history of Uzbekistan from ancient times to the middle of the nineteenth century*. Moscow: Iskusstvo, 1965. 688 p. (In Russian)

33. “Samaria”, description of antiquities and Muslim shrines of Samarkand Abu Tahir khodja. Translation by V.L. Vyatkin. *Spravochnaya knizhka Samarkandskoy oblasti* [Reference book of the Samarkand region]. 1898. Issue VI. Samarkand, 1899. pp. 154–259 (In Russian)

34. *Samarkand antiquities*. Madrasah of Sheibani-khan and the ruins of the mausoleum of Kuskunchi-khan. View of the courtyard and the tomb of Sheibani Khan. Available at: <https://www.wdl.org/ru/item/3824/> (access 12.07.2021)

35. Semenov A.A. Sheibani Khan and the conquest of the Timurid empire. *Materialy po istorii tadzhikov i uzbekov Sredney Azii, Stalinabad, Akademiya nauk Tadzhikskoy SSR. Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii, Tom XII, Vyp. I*. [Materials on the history of Tajiks and Uzbeks of Central Asia. Academy of Sciences of the Tajik SSR. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Volume XII, Issue I]. Stalinabad, 1954, pp. 39–83. (In Russian)

36. Semenov A.A. The cultural level of the first Sheibanids. *Sovetskoye vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. 1956, no. 3, pp. 51–59. (In Russian)

37. Smagulov Ye.A. Development of the Central Square of the city of Sauran XIV–XVI centuries. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2016, no. 2 (16), pp. 93–119. (In Russian)

38. Solikh Muhammad. *Shaibonyma*. Prepared for publication by E. Shodiev. Tashkent, 1989. 336 p. (In Uzbek)

39. Sultanov T.I. *Chingis Khan and Chingisids. Fate and power*. Moscow: ACT, 2006. 445 p (In Russian)

40. “Tavarih-i Guzida-Nusrat-name”. Research, critical text, annotated table of contents and table of summary table of contents A. M. Akramov. Tashkent, 1967. 358 p. (In Russian)

41. Trepavlov V.V. Sacred topography of the Jochi ulus. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2011, no. 2, pp. 107–115. (In Russian)

42. Khondamir Giyasiddin bin Humomiddin. "Great character". "Khabib us-siyar fi akhbori aphrodite bashar" – chapters on the life of Zahiruddin Muhammad Babur in the book "A Friend Reporting on the Life of the Human Race". Translation from Persian, introduction and commentary by Ismail Bekjanov. Tashkent: Sharq, 2011. 304 p. (In Uzbek)
43. Babajanov B. La naqshbandiyya sous les premiers Sheybanides, Cahiers d'Asie Centrale, 3/4, 1997, pp.69–90. (In French)
44. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 62, no. 2–3 (2019), pp. 318–355.
45. Bodrogligeti A. J.E. Muhammad Shaybani's 'Bahru'lhuda'. An Early Sixteenth Century Didactic Qasida in Chagatay // *Ural-Altai Yearbook*. 54. 1982, pp. 1–56.
46. Bodrogligeti A. Yasavi ideology in Muhammad Shaybani Khan's vision of an Uzbek Islamic empire // *Journal of Turkish Studies* no. 18. (1994), pp. 41–56.
47. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park (Penn.), Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
48. DeWeese, Devin. A Sixteenth-Century Interpretation of the Islamization of the Mongols Attributed to Jalāl al-Dīn Rumi. *Mawlana Rumi Review* 5, no. 1 (2014), pp. 88–105.
49. DeWeese, Devin. Chaghatay Literature in the Early Sixteenth Century: Notes on Turkic Translations from the Uzbek Courts of Mawarannahr, in Hickman, Bill and Leiser, Gary (eds.), *Turkish Language, Literature, and History: Travelers' Tales, Sultans, and Scholars since the Eighth Century* (A Volume of Studies in Honor of Robert Dankoff). London: Routledge, 2016, pp. 99–117.
50. Eraslan, Kemal. "Şiban Han'ın 'Bahru'l-Hüdâ' Adlı Eseri. *Türk Kültürü Araştırmaları*, Yıl: XXVIII/ 1–2, Ankara, 1991, pp. 103–177.
51. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society. *Central Asia on Display: Proceedings of the VIIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies*, vol. 1, p. 145. LIT Verlag Münster, 2004, pp. 145–150.
52. Golombek, L., Wilber, D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988. 510 p.
53. Karasoy, Yakup, ed. *Siban Han Divâni* (inceleme-Metin-Dizin Tipkibasım). Ankara: Türk Dil Kurumu, 1998. 859 p.
54. Kılıç, Nurten. Change in Political Culture: The Rise of Sheybani Khan, Cahiers d'Asie centrale [Online], 3/4 | 1997, Online since 03 January 2011, connection on 03 May 2019. Available at: [http:// journals.openedition.org/asiacentrale/473](http://journals.openedition.org/asiacentrale/473) Aix-en-Provence: Édisud. Cahiers d'Asie centrale 3–4.
55. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. *Islamic Central Asia: an anthology of historical sources*. Indiana University Press, 2010. 318 p.
56. Malikov A. "92 Uzbek Tribes" in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532.
57. McChesney, R.D. Shibani Khan. *Encyclopedia of Islam*, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 426–428.
58. McChesney R.D. *Some observations on "garden" and its meanings in the property transactions of the Juybari family in Bukhara, 1544-1577 in Gardens in the time of the great muslim empires. Theory and design*. Edited Attilio Petruccioli. Brill. Leyden, New York, Koln, 1997, pp. 97–109.
59. McChesney, Robert D., Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Cambridge University press, 2009, pp. 277–302.

60. Nas, P. JM, Pierpaolo De Giosa. Conclusion: feeling at home in the city and the codification of urban symbolism research. *Cities full of symbols: a theory of urban space and culture*. Leiden University Press, 2011, pp. 283–292.

61. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: *Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert*. (Islamkundliche Untersuchungen, 226). Berlin: Klaus Schwarz, 2000, 270 p.

62. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids. *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4. 1988, pp. 479–505.

63. Subtelny, Maria Eva. *Agriculture and the Timurid chaharbagh: the evidence from a medieval Persian agricultural manual in Gardens in the time of the great muslim empires. Theory and design*. Edited Attilio Petruccioli. Brill. Leyden, New York, Koln, 1997. pp. 110–128.

64. Szuppe, Maria. The female intellectual milieu in Timurid and post-Timurid Herat: Faxri Heravi’s biography of poetesses, Javaher al-'Ajayeb. *Oriente moderno* 15, no. 2 (1996), pp. 119–137.

65. Szuppe Maria. Status, knowledge and politic: women in sixteenth century Safavid Iran in: *Women in Iran from the rise of Islam to 1800*. Edited by Guity Nashat and Lois Beck. University of Illinois press. 2003, pp. 140–169.

66. Vámbéry, Ármin. *History of Bokhara from the Earliest Period Down to the Present: Composed for the First Time After Oriental Known and Unknown Historical Manuscripts*. HS King & Company, 1873. 419 p.

About the authors: Azim M. Malikov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Asian Studies at the Faculty of Arts, Palacký University (26, Svoboda Str., Olomouc 77900, Czech Republic); ORCID: 0000-0002-0173-2014 E-mail: azimmal2018@gmail.com

Kenzhe U. Torlanbayeva – Dc. Sci. (History), Independent researcher (28, Shevchenko Str., Almaty 050002, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0003-0343-8887 E-mail: torlanbayeva@mail.ru

*Received March 2, 2022 Accepted for publication May 8, 2022
Published June 29, 2022*